

ПРОБЛЕМА «ПРИРОДА И ЧЕЛОВЕК» В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ В. А. НИКОЛЬСКОГО

В разнообразном наследии В. А. Никольского самым ценным считаются обычно его методические работы, посвященные как общим методическим проблемам, так и частным: методике написания сочинения, изготовлению и применению наглядных пособий и некоторым другим. Признавая несомненную ценность этих работ, мы понимаем вместе с тем, что в связи с изменением школы в целом методические вопросы также изменяются. Например, в настоящее время никто даже не задумается о том, стоит ли учителю самому вместе с детьми изготавливать методические пособия — такая задача просто уже не стоит перед педагогом¹. Вот почему мы всё больше понимаем, что в центре нашего внимания должны стать филологические и культурно-организационные работы В. А. Никольского. Ясно, что филологическое наследие его также во многом устарело, но оно интересно для нас как памятник развития нашей науки, как характерный этап в истории гуманитарной мысли в советской России. В настоящей работе я остановлюсь на исследованиях В. А. Никольского, посвященных проблеме «природа и человек», и постараюсь показать историю формирования этой проблематики, значение ее для современности самого исследователя и для нашего времени.

В. А. Никольский окончил Тверской педагогический институт по отделению русской языка и литературы. Однако следует учесть специфику обучения в конце 1920-х гг., о которой он сам рассказал в своих воспоминаниях. «Первый курс в те годы был общеобразовательным. Очевидно, не очень-то доверяли той подготовке, какую давала молодежи школа, только начинавшая перестраиваться на новый лад. В то же время выбор будущей специальности со второго курса мог быть более обдуманным. Лекции и практические занятия на первом курсе хорошо ориентировали в проблемах современной науки»². Интересно, что этот перечень общих дисциплин В. А. Никольский начинает с естественных наук (биология, химия, физика, психология, анатомия и физиология человека) и только потом переходит к истории и общественно-политическим дисциплинам. Закончив в 1928 г. обучение, В. А. Никольский преподавал русский

¹ Ср., например: Объемные наглядные пособия по литературе в школе // Наглядные пособия и по литературе в восьмилетней школе: Опыт изготовления и применения пособий. М.: Изд. АПН РСФСР, 1963. С. 44—52.

² Лица филологов. Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986 / Ред. М. В. Строганов. 2-е изд, испр. и доп. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. С. 242.

язык и литературу сначала в Твери, потом в Воронежской области. Но, вернувшись в Тверь, он не смог устроиться по специальности и стал, как он сам пишет, «географом поневоле»: «Уроки географии увлекли меня своим содержанием и разнообразием методов преподнесения знаний. Тут и работа с настенными и контурными картами, и диапозитивы с видами различных ландшафтов, и рассказы о путешествиях, и экскурсии на местность. Очень пригодились мне наблюдения, которые я делал, служа на Дальнем Востоке и учительствуя под Воронежем. С членами моего географического кружка я выходил за город: на дюны у берегов Волги, на Неготинскую морену под Калинином. О последней экскурсии я рассказал в статье, помещенной в сборнике „Экспедиции в природу“, выпущенном местным издательством¹. Несколько моих методических статей опубликовал и журнал „География в школе“². А мои кружковцы выпустили несколько номеров рукописного журнала „Юный географ“»³. Вообще экскурсии в природу были весьма популярны уже в конце XIX — начале XX в., активным пропагандистом такой формы работы выступил Д. Н. Кайгородов (1846—1924)⁴. Разумеется, новая школа старалась забыть завоевания дореволюционной педагогики (в том числе и те, которые были связаны с любовным отношением к природе). Но ко времени обучения В. А. Никольского в институте еще продолжали работать преподаватели, для которых деятельность Д. Н. Кайгородова была живым образцом и примером, и это отношение к природе они стремились передать своим ученикам. Таким образом, педагогическую и научную работу В. А. Никольского в этом направлении следует рассматривать в рамках большой и продуктивной научной традиции, невзирая на все искажения советского времени.

В своих воспоминаниях В. А. Никольский рассказывает о том, что педагогическая деятельность как географа побудила его совершить ряд разнообразных путешествий: по Селигеру (1934), по Крыму (1935), на Алтай (1936). Однако в 1936 г., пишет В. А. Никольский, «моя географическая карьера оборвалась: я получил возможность полностью вернуться к своей настоящей специальности словесника. Я не жалею об этих трех годах, которые я отдал занятиям, казалось бы, далеким от своей основной специальности. Ведь и сама

¹ Никольский В. А. Экскурсия на Неготинскую морену // Экспедиции в природу. Калинин: Калининское обл. кн. изд-во, 1938. С. 5—20.

² Никольский В. А. Итоги работы в V классе // География в школе. 1935. № 5. С. 74—75; он же. Год работы географического кружка // География в школе. 1936. № 6. С. 101—104; он же. Об ученических сочинениях по географии // География в школе. 1938. № 1. С. 77—78.

³ Лица филологов. Из истории кафедры литературы Тверского государственного университета. 1919—1986. С. 262—263.

⁴ Costlow Jane. Dmitrii Kaigorodov and the Ethics of Attentiveness: Knowledge, Love and Care for Rodnaja Priroda // Understanding Russian Nature: Representations, Values and Concepts / Eds. Arja Rosenholm, Sari Autio-Saraso. Aleksanteri Papers. 4. Saarijärvi: Gummerus Printing, 2005.

художественная литература изображает человека, включенного в круговорот не только социальных, но и природных явлений. Я уже задумывал написать книгу об изображении писателями сложных отношений человека и природы»¹. При этом следует учитывать, что В. А. Никольский всю жизнь занимался пейзажной живописью. Так судьба и пристрастия сошлись в этой работе. Следует также иметь в виду, что В. А. Никольский на протяжении всей своей жизни был художником-любителем и постоянно писал пейзажи маслом (некоторые из них я имел возможность видеть у него в доме).

Однако приступить к работе над темой «человек и природа» В. А. Никольский смог только через четверть века². Сначала в ученых записках Калининского педагогического института появился цикл его статей на эту тему, а потом, в 1973 г., монография³. Собственно об этой книге и ее месте в изучении проблемы отношения человека и природы и пойдет речь в настоящей статье.

Вместе с тем мое обращение к этой работе является запоздалым признанием в моей собственной научной недобросовестности. Дело в том, во-первых, что, закончив обучение на филологическом факультете в 1973 г., когда и вышла эта книга, я не знал о ней и даже не помнил, что В. А. Никольский читал в это время спецкурс по этой теме. Работая во второй половине 1980-х гг. над изучением того, как русская культура эпохи Пушкина понимала соотношение в человеке природного и социального начал, я прошел мимо этой работы и не учел ее материалов в своих построениях⁴. И даже когда мы готовили историю кафедры в лицах ее заведующих и составляли библиографии ученых, — даже тогда я не придал ей должного значения. Только теперь, когда я активно включился в изучение истории экологического сознания в русском обществе XIX в., смысл и значение этой работы мне становятся более или менее понятным. Впрочем, в

¹ Лица филологов. С. 265.

² Статья: Никольский В. А. Любовь к родной природе и работа над литературным пейзажем // Советская педагогика. 1943. № 1. С. 13—19 — по условиям военного времени имела патриотический характер.

³ Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). Калинин: Калининский гос. ун-т, 1973; Тема природы в русской романтической поэзии пятидесятых-шестидесятых годов XIX века // Учен. зап. / Калининский гос. пед. ин-т. Калинин, 1965. Т. 46. С. 147—178; *он же*. Тема природы в русском устном народном творчестве по публикациям пятидесятых-шестидесятых годов XIX века // Учен. зап. / Калининский гос. пед. ин-т. Калинин, 1963. Т. 30. С. 239—279; *он же*. Тема природы в демократической прозе шестидесятых годов XIX века (Н. Помяловский, Н. Успенский, Ф. Решетников, В. Слепцов) // Учен. зап. / Калининский гос. пед. ин-т. Калинин, 1964. Т. 40. С. 22—55. Две последние публикации не вошли в книгу 1973 г.

⁴ Строганов М. В. Человек в художественном мире Пушкина: Учебное пособие. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990; *он же*. Человек в русской литературе первой половины XIX века: Учебное пособие. [3-е изд.] Тверь: Тверской гос. ун-т, 2001.

оправдание своей невнимательности должен сказать, что работа эта прошла и мимо внимания и других исследователей данной проблематики.

Сразу же скажу, что исследование В. А. Никольского несет на себе весьма характерный отпечаток времени, который нельзя ни отменить, ни не заметить. Все его рассуждения и построения принадлежат эпохе воинствующего материализма, коммунизма и атеизма. Социальное начало в человеке представляется ему (как, впрочем, и всему его времени) доминирующим; он видит в человеке прежде всего социальное явление, а роль природного начала кажется ему несущественной. Природу в человеке можно перестроить, перейти, можно без нее обойтись. В. А. Никольский замечает роль циклического природного времени в романе «Обломов»¹, роль библейских реминисценций в романе «Обрыв»². Но все его рассуждения, как и следует ожидать, связаны с образом Обломова как порождения крепостнической России. В. А. Никольский всё время говорит об отношении человека к природе и как будто не понимает того, что в самом человеке есть два эти начала: природное и социальное. У него человек относится к природе как к чему-то внешнему, природа для него — это не его собственная натура, а что-то стороннее, без чего человек, в принципе, может спокойно обойтись. При этом он может цитировать писателей, которые решали эту проблему совершенно иным способом, но — то ли из деликатности (чтобы не навлечь на них гнев власть предержащих), то ли по невнимательности — не обсуждает и не замечает эту проблематику. Так, например, в первой главе, посвященной изучению теоретических взглядов на природу, свойственных 1850—1860-м гг., В. А. Никольский приводит слова В. П. Боткина из статьи о поэзии А. А. Фета (1857): «Мы живем тем же духом, которым живет природа, — мы та же самая природа, но одухотворенная и сознающая себя. Немая поэзия природы есть наша сознательная поэзия: нам дано высказать эту немую поэзию природы. Отсюда наше чувство природы и вечной красоты ее. Красота эта не есть только случайная принадлежность каких-либо одиноких явлений в природе: красота составляет вечную основу явлений мирового духа, основу всей неисследимой творческой силы вселенной. Древние греки впервые почувствовали это, назвав мир *красотою* (космос)»³. Казалось бы, процитировав эти слова, В. А. Никольский должен был бы подойти к заострению вопроса о сложности положения человека в мире природы: человек как орган сознающей себя природы. Однако этого не происходит, и, согласно рассуждениям ученого, человек

¹ Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 78—79.

² Там же. С. 81.

³ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма / Сост., вступит. статья, и примечания Б. Ф. Егорова. М.: Советская Россия, 1984. С. 198. Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 16.

относится к природе не как ее составная часть, но как самостоятельная и равная ей величина, он относится к ней так, как к самолетам, рыболовной снасти и другим *вещам, предметам*.

То истолкование человека, которое мы видим у Боткина, было общим для людей, воспитанных в философской школе 1840-х гг.: не только для представителей пресловутого «чистого искусства» (как Боткин), но и для тех, кого было принято в 1950—1970-е гг. называть революционными демократами. Именно такое толкование человека и природы мы видим и в предпоследней главе, в которой В. А. Никольский описывает понимание и изображение природы в творчестве А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Исследователь приводит слова Герцена из работы «Дилетантизм в науке»: «Что может быть смелее предположения, что последний вывод, венчающий все развитие природы, — человеческое сознание — в разногласии с нею? Всё в мире стройно, согласно, целесообразно — одна лишь мысль наша сама по себе, какая-то блуждающая комета, ни к чему не отнесенная, болезнь мозга!»; «История мышления — продолжение истории природы: ни человечества, ни природы нельзя понять мимо исторического развития. Различие этих историй состоит в том, что природа ничего не помнит, что для нее былого нет, а человек носит в себе всё бывшее свое; оттого человек представляет не только себя как частного, но и как родового»¹. Кажется бы, так естественно сопоставить эти слова Герцена со словами Боткина и построить на этом (с привлечением иного исторического материала) некоторую концепцию. Однако нет: В. А. Никольский избегает этой возможности, и не потому, разумеется, что он не сумел бы справиться с этой задачей. Просто такая задача не входит в его планы. Во-первых, Боткин и Герцен четко разнесены по разным социальным разделам и потому не могут перекликаться друг с другом. Во-вторых, человек понимается как явление социальное, а как продолжение природы он не представляет никакого интереса.

В этом отношении вполне естественными выглядят следующие достаточно агрессивные рассуждения В. А. Никольского о поэте, которого в 1950—1970-е гг. было принято относить к «чистому искусству», о Н. Ф. Щербине: «...Н. Щербина объявляет человека „гражданином“ мира природы. Совершенно логично поэтому для Щербины „меньших братьев“ находить не в бедняках, не в униженных и оскорбленных, а в мелких созданиях животного царства. Поэтому поэт боится раздавить ногою „червя, что ползет под травой сияньем тепля наслаждаться“, или „втянуть дыханием в лучах затерявшуюся мошку“. Вот что, оказывается, должно заменить собою действенный гуманизм эпохи, нашедший последовательное

¹ Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. / Главный ред. В. П. Волгин. М.: Изд. АН СССР, 1955. Т. 3. С. 127—128, 128—129; Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 144—145.

выражение в призывах революционной демократии! Перед лицом вечной природы ложны и призрачны современные человеческие страдания („Мир“). Так легко „решает“ Щербина острейшую социальную проблему своего времени!»¹. С современной точки зрения в этих построениях Щербины нет ничего, что могло бы «опорочить» общественную позицию этого поэта: человек на самом деле является «„гражданином“ мира природы», а «меньших братьев» мы также видим «не в бедняках, не в униженных и оскорбленных, а в мелких созданиях животного царства». Но для второй половины 1960-х — начала 1970-х гг. эта позиция казалась совершенно неприемлемой, что прекрасно выражено пафосом выступления, многочисленными восклицательными знаками.

Аналогичным образом оценивает В. А. Никольский и творчество С. Т. Аксакова. С одной стороны, он отдает дань неподдельного уважения писателю, который сумел изобразить прекрасные картины природы (В. А. Никольский называет их в духе времени реалистическими) и пробудить в обществе интерес к красоте русской природы. С другой стороны, он недоумевает: почему этот писатель, реалистически изображающий природу, почему Аксаков «искренно сожалеет, что „человек — заклятый и торжествующий изменитель природы“»; и почему «это противоречие для него непреодолимо»². В. А. Никольский (как, впрочем, и его современники) прожил всю жизнь в убеждении, что «мы рождены, чтоб сказку сделать былью», что «мы не можем ждать милостей от природы», что «природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Поэтому он вполне естественно не принимает оценок Аксакова «заклятый и торжествующий». Человек и должен быть «изменителем» природы, и эту функцию его нельзя назвать ни плохой, ни хорошей, это естественная для него роль. Никакого непреодолимого «противоречия» здесь нет, поэтому и «сожалеть» здесь не о чем.

Вот почему для В. А. Никольского оказалась столь близка позиция Н. Г. Чернышевского, который писал: «Природа бесстрастна к человеку; она не враг и не друг ему: она — то удобное, то неудобное поприще для деятельности»³. Здесь можно было бы выделить слова о бесстрастии природы по отношению к человеку и сопоставить их со словами о «равнодушии» природы к человеку, которые имеют достаточно продолжительную традицию — от А. С. Пушкина до

¹ Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 46—47.

² Там же. С. 67. Цитата взята из «Семейной хроники»: Аксаков С. Т. Собрание сочинений: В 4 т. М.: ГИХЛ, 1955. Т. 1. С. 87. В оригинале она выглядит следующим образом: «Но человек — заклятый и торжествующий изменитель лица природы!»

³ Чернышевский Н. Г. Эстетика и литературная критика. Избранные статьи. М.; Л.: Госполитиздат, 1951. С. 15; Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 19—20. Ср. также с. 85.

И. С. Тургенева¹. Но в таком случае Чернышевский оказывается в одном ряду с дворянами-либералами, что противоречит социологическим схемам. Это Я. П. Полонскому в стихотворении «Век» позволено написать: «В твореньях нет творца, в природе нет души»², повторяя известные слова Ф. И. Тютчева и других политически не безупречных авторов, которым, однако, за их гениальность и патриотизм приходилось прощать идеологические промахи. Но Чернышевский задумываться над философией природы просто не должен. И поэтому В. А. Никольский выделяет в этой фразе другую часть: «Природа <...> поприще для деятельности» человека. В результате вполне логичным выглядит следующий вывод: «Очень важны замечания Чернышевского о соотношении эстетического интереса человека к природе с материальным. На природу человек смотрит глазами владельца. Поэтому для него прекрасно и то, что сулит довольство и счастье народу»³.

Как я уже говорил, работавший в свое время как географ, В. А. Никольский сохранял интерес к этой науке и позднее. Не удивительно поэтому, что в своей книге об отношениях человека к природе он приводит определение понятия *географического ландшафта*: «„Географический ландшафт — это своеобразная территория с характерным только для нее закономерным сочетанием основных географических компонентов: климата, рельефа, вод, растительного и животного мира, почв“. Вот такое именно сочетание географических компонентов улавливает и воспроизводит реалистический пейзаж. На эту важную черту его указано было еще Салтыковым-Щедриным»⁴. В том, как применена эта цитата, отразилась эпоха социализма. Между тем это определение *географического ландшафта* оказывается весьма близко к тому, которое дал В. Н. Сукачев, сформулировавший в 1940-е гг. представление о биогеоценозе как природном комплексе, включающем растительное сообщество, почву, климатические и гидрологические условия, животных, микроорганизмы и т. д. Это фактически уже экологическая постановка проблемы.

Как известно, в конце 1960-х — 1970-е гг. в русской литературе началось формирование экологической проблематики (в рамках «деревенской прозы»). Поэтому вполне естественно было бы предположить, что и в литературе XIX в. В. А. Никольский будет искать аналогичную проблематику. Однако нет: даже там, где обнаружение этой проблематики не вызывает сомнений и лежит, так сказать,

¹ Струганов М. В. Человек и природа в русской литературе XIX века: к истории формирования экологической проблематики // Дары природы и плоды цивилизации: Экологический альманах. Тверь: Золотая буква, 2003. С. 43—49.

² Полонский Я. П. Сочинения: В 2 т. М.: Художественная литература, 1986. Т. 1. С. 159; Никольский В. А. Природа и человек в русской литературе XIX века (50—60-е годы). С. 31.

³ Там же. С. 21.

⁴ Там же. С. 90. Цитата взята из кн.: Берг Л. С. Природа СССР. 3-е изд. М., 1955. С. 4.

на поверхности, — даже в этих случаях В. А. Никольский идет вслед за мыслью о человеке — хозяине природы. Кажется, что он не стал бы борцом против проекта повернуть северные реки, но благословил бы этот проект. И вот он сталкивается с повестью, где речь идет о пагубном влиянии человека на природу, но не замечает этого. В. А. Никольский цитирует слова героя повести Ивана Весеньева «Как люди любят природу» (1860): «Заметьте: точно будто жизнь убил вокруг себя человек, разрушил гармонию природы — и она замолчала: ее лишили детской свободы, хотя трудолюбивыми, честными руками, но связали. А ведь воспитывают ее часто для ее же пользы, на пользу человечеству. Цель святая! Как обвинить цель, или как примирить ее с жаждой красоты первобытной!»¹ И — никаких собственно экологических рассуждений.

Короче говоря, приводя все эти примеры, я вовсе не хотел бы сказать, что научная продукция В. А. Никольского была несовершенна. Мне хотелось бы обратить внимание на то, как эта очень большая, очень важная и вечная тема: человек и природа — решалась сугубо в духе своего времени. Ясно, что выйти за пределы своего времени не может ни один человек. И так же ясно, что любые умнейшие построения ограничены своим временем. Только верно понимая эту обусловленность любой научной мысли временем, ее породившей, мы сможем дать подлинно научную оценку ее значения. И только в таком случае мы сможем получить от прошлого всё то ценное, что есть в нем.

¹ Отечественные записки. 1860. № 2. С. 262; Никольский В. А. Указ. соч. С. 13.